

5.11.94.

Пороховщиков Александр

О том, что актер Александр Пороховщиков получил в аренду от московского правительства свой фамильный особняк в Староконюшенном переулке, сообщили практически все столичные издания. Народ сначала безмолвствовал в оцепенении, а затем выдохнул: «Безобразие». А некоторые вопрошали: «Начало реституций?»

— Александр Шалвович, расскажите, пожалуйста, немного об истории вашей семьи.

— Особняк в Староконюшенном переулке был построен моим прадедом, столбовым дворянином Александром Александровичем Пороховщikovым, который, кстати, был одним из строителей и, как сейчас говорят, спонсором Храма Христа-Спасителя. Он же построил и был владельцем «Славянского базара». Арбатский особняк в то время сдавался внаем. Александр Александрович Пороховщikov-младший, мой дед, был изобретателем первого в мире танка. Известно, что в 1911–1912 годах сын Менделеева тоже сделал чертеж танка — по времени это получается раньше. Но та задумка по разным причинам осталась нереализованной. Дед же закончил и показал свои чертежи перед комиссией в 1915 году — строился танк на рижском заводе. И, как ни странно, сейчас в Риге есть небольшой музей, в котором демонстрируется деревянная копия того самого первого танка. В России желающих сделать что-нибудь подобное не нашлось, так что латышам я очень благодарен. Зато пулю для этого человека нашли быстро — в сорок первом году он был арестован, осужден и расстрелян. Я очень признателен тем людям, которые дали мне возможность посмотреть его дело, дай Бог им здоровья.

Обвинения деду были предъявлены совершенно стандартные и нелепые: работал на немецкую разведку, тратил государственные деньги на изобретения, которые не нужны советскому обществу, на работу в конструкторское бюро набирал исключительно выходцев из дворян и соответственно плел заговор.

После революции особняк отобрали и поселили там каких-то людей. Я до последнего времени толком его и не видел — только один раз мама меня водила. Была там и библиотека, а после войны въехал Музей народного ополчения. Сейчас он делит помещение с фирмой «Смиральд», которая занимается реставрацией старинной мебели. Я вообще очень уважаю ветеранов, считаю, что перед ними можно стоять только с низко склоненной головою. Я руки готов целовать тем ветеранам, которые собираются у Большого театра. Но есть, видимо, среди них и другие люди, те, которым я руки и не подам. Я просто понять не могу, как можно занимать особняк, зная, что занимаешь его незаконно?..

— Вы не могли бы сказать, как именно сформулировано последнее решение правительства Москвы по этому вопросу?

— Главное не это, а то, что мне ничего не вернули. Приходится об этом говорить, потому что очень многие все неправильно поняли. Просто я получил возможность на арендных началах сделать музей деда и прадеда. Но даже если я всю жизнь буду зарабатывать сво-

ей профессией — а у меня мама старенькая на пенсии и отец тоже — я и части того, что надо отдать за аренду, не получу. А ведь дом этот еще и в ремонте нуждается, и музейных работников нужно набирать... Если мне не дадут возможность выйти на субарендато-

тельного человека, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

веком, в которого я просто влюблен за его работу. Именно он первым пошел к Лужкову и попросил за меня. Очень многим он помогает.

— Утверждают, что у вас самое интеллигентное лицо в советском или, если угодно, российском кинематографе...

— Это не моя заслуга. Родительская.

— Но вы-то ощущали свою отдельность, понимали, что выбиваетесь из общего фона?

— Дело в том, что я был чело-

Александр Пороховщиков: *Известия - 1994 - 5 нояб. - с.6.* **НЕПРАВДА, ЧТО МЫ ЖИВЕМ В СЕРОЕ ВРЕМЯ**

ра, то семья Пороховщikovых будет убита окончательно. Без посторонних вливаний здесь не обойтись. Время музеев, создаваемых на «общественных началах», уже ушло. И потом мне хочется создать музей международного значения. Ведь в одном только Сан-Франциско тридцать семей Пороховщikovых. Раньше-то искать друг друга было нельзя, а тут, когда я повез свою ленту «...цензуру к памяти не допускаю» на фестиваль русских фильмов во французском городе Сан-Рафаэль и получил главный приз, пошла, наверное, какая-то информация, и выяснилось, что буквально в двадцати минутах езды от этого местечка тоже живут Пороховщikovы, правда, под другой фамилией. В русских церквях Рима, Иерусалима и Флориды служат священники Пороховщikovы.

В рамках будущего музея мы хотели бы создать что-то типа агентства по поиску талантливых, но не умеющих «пробыться» людей. Неправда, что мы живем в серое время: если бы это действительно так было, то у нас свет бы не горел и хлеб бы никто не выпекал.

— Александр Шалвович, а вы сами планируете поселиться в этом особняке?

— У меня есть небольшая квартира, там я и буду жить. Но если идея музея воплотится в жизнь, естественно, дни и ночи я буду проводить в Староконюшенном. Надо сказать, что, как только средства массовой информации «озвучили» принятое решение, телефон стал звонить не переставая. Даже из-за рубежа вызывают: готовы помочь, причем безвозмездно. Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить тех людей, которые уже мне очень помогли — в частности Юрия Михайловича Лужкова, чья подпись стоит под постановлением. Однако начал все Святослав Николаевич Федоров, знаменитый наш офтальмолог и изуми-

теком в некотором смысле воспитанным. Но проблема в том, что жизнь — вы видите, что кругом творится? — не позволяет использовать это воспитание по назначению, она, наоборот, ломает его. Если ты скромный, застенчивый, считаешь, что ты бездарен. Если ты говоришь тихо, значит, ты трусоват. Если ты на сцене не машешь руками и не орешь, значит, совсем ты и не актер. А ведь как раз на сцене самое главное — думать. И эмоция применять лишь в том случае, когда они оправданы. Нынче же принято демонстрировать психбольницу, все как-то разом забыли, что кричать, визжать, потеть и прыгать свойственно обычно эпилептикам, и для них это не эмоция, а болезнь. Эмоция, говорил Шаляпин, это когда я сел, а зал встал. Темперамент, и особенно российский, развивается водоворотом: медленно и нудно. Но если уж закрутился — не остановишь.

В детстве мне рассказали, как надо сидеть за столом, как общаться с женщиной, со старшими... Говорить громко неприлично, махать руками перед лицом... Если вас окликнули, а я разговариваю с вами, то сначала надо извиниться передо мной, а потом уж повернуться к тому человеку — причем не голову повернуть, а именно повернуться. И если уж вы надеваете военный китель, то извольте не забывать о белом подворотничке. Это любой актер должен сам понимать. Нельзя одергивать перед денщиком свой костюм — неприлично. Не могут быть грязные ногти при перстнях. Не сочетаются галстук и рот без зубов. У нас же без стеснения с экраном поет артист, у которого, как у старухи Изергиль, один зуб. Это же омерзение вызывает.

Я тоже, когда стилигой был, носил длинные волосы, но я их — мыл. А сейчас сядешь с кем-нибудь, а от него... Нынче полагают, что поцеловать руку женщине —

участвовать в таких фильмах и спектаклях, что стыд берет. Но сейчас появилась целая группа художников, которая только на бездарности специализируется — это люди, когда-то хорошо зарекомендовавшие себя, но потом продавшие душу дьяволу.

Театр, повторюсь, это прежде всего грандиозная эмоция. На московской же сцене все больше разговаривают. Выучили текст, ознакомились с органикой — и давай играть. Мультипликация какая-то. Захожу — Бориса Годунова сыграю, захожу — Отелло. А ведь это роли, к которым годами, без преувеличения, надо идти. Годунова сыграть — это умереть, неизвестно, второй спектакль сыграешь или нет. Я двадцать пять лет эту пьесу изучаю, землю буквально рою — все, все, что мог достать по этой теме, досконально изучил. И то не решаюсь. А тут несколько лет назад включою телевизор: любимый мой актер Николай Волков, наряженный царем, с бородой, Бориса Годунова читает — сидя в кресле.

— А как складываются ваши отношения с кино? Задел ли вас пресловутый кризис?

— Нет, не задел. Я, наверное, могу гордиться тем, что у меня бывает по восемь предложений в месяц. Другое дело, что я от них от всех отказываюсь — неинтересно, пошло. Джеймс Бонд, крестный отец. А я человек на самом деле добрый, и играть люблю добрых. Другая причина, почему не снимаюсь, — материального характера. Я не могу играть за те деньги, которые предлагают. Это издевательство над артистом. И, наконец, частенько картины останавливаются уже во время производства — сначала исчезает спонсор, а затем от стыда перед нами, актерами, — режиссер. Так что я предпочитано сейчас искать деньги, придумывать и снимать сам. Может, что-то и получится.

Беседу вел
Эдуард ДОРОЖКИН.